

Р. Г. СКРЫННИКОВ

Исторический факт и летопись

«Повесть временных лет» занимает особое место среди древнерусских источников. Ее сведения по ранней истории Руси уникальны. Их значение возрастает, когда имеется возможность сопоставить ее свидетельства с более ранними источниками византийского и еврейско-хазарского происхождения.

Киевская летопись сообщает сведения о деятельности вдовы князя Игоря Святославича Ольги в середине X в. С ее именем связывают первые в русской истории реформы, упорядочившие систему государственного управления. Реформаторская деятельность Ольги подтверждается следующим летописным известием: «В лето 6455 [947]. Иде Вольга Новугороду, и устави по Мьсте повосты и дани и по Лузе оброки и дани; и ловища ея суть по всей земли, знамянья и места и повосты, и сани ее стоять в Плескове и до сего дне».¹ Для верной интерпретации приведенного отрывка следует сравнить его с записками императора Константина Багрянородного, написанными во времена Ольги в середине X в. С приближением зимы, писал император, русские «архонты выходят со всеми росами из Киева и отправляются в полюдия, что именуется „кружением“, а именно в земли древлян, дреговичей, северян и прочих данников славян. Кормясь там в течение зимы, они в апреле, когда тает лед на Днепре, возвращаются в Киев».²

«Поездка» Ольги в Новгород как две капли воды напоминала полюдые, описанное Константином VII. Различие заключалось в том, что император имел возможность использовать материалы, тщательно подобранные для него чиновниками и основанные на показаниях русских послов и лиц, ездивших по дипломатическим и торговым делам в Киев, тогда как Нестор трудился над летописью в начале XII в. и руководствовался историческими припоминаниями, дружинным эпосом и преданиями. Летописец XII в. озаглавил свое известие «Иде Ольга Новугороду». Но полюдые не было путешествием. Византийский писатель очень точно описал его как «кружение». Именно таким «кружением» была описанная летописцем поездка. В Новгород Ольга отправилась бы обычным путем («из греков в варяги» — по Ловати на Волхов. Вместо этого она прошла через землю ильменских славян с востока на северо-запад по Мсте и Луге, после чего в конце зимы повернула на юг в Псков. Судя по тому, что Ольга оставила свои сани в Пскове, ее полюдые закончилось весной. Но зима как раз и была временем полюдяя.

¹ Повесть временных лет Ч 1 Текст и перевод/Подгот текста Д С Лихачева, Пер Д С Лихачева и Б А Романова, Под ред чл-корр АН СССР В П Адриановой-Перетц М, Л, 1950 С 43 Далее ссылки на это издание в тексте сокращенно ПВЛ, с указанием страниц По А А Шахматову, эта запись была включена в новгородский свод 1050 г (Шахматов А А Разыскания о древнейших русских летописных сводах СПб, 1908 С 613)

² Константин Багрянородный Об управлении империей М, 1989 С 51

Мудрой правительнице княгине Ольге приписывают установление на Руси новой системы административного деления — «повостов», а также системы поборов — «оброков». Слово «оброки» позднего происхождения, а понятие «погост» имело в X в. совсем иное значение, чем в XII в. При Ольге погост обозначал языческое святилище и место торго славян («погост» от слова «гость» — купец). С принятием христианства власти стали разорять капища и на их месте ставить церкви. Крупнейшие погосты превратились к XII в. в центры управления округой. Но при Ольге погосты оставались языческими святилищами по преимуществу.

Летопись заключает в себе одну любопытную деталь. Рассказ о посещении Ольгой ильменских словен летописец завершает словами: «...ловища ея суть по всей земли, знамяня и места и повосты» (ПВЛ, 43). Не следует считать, что Ольга сумела соединить административную реформу (учрежденные погосты) с заведением княжеской охоты (устройством ловищ по всей земле). Во время «полюдьа», как обнаруживается, русы не только собирали дань со славян, но и кормились охотой.

Помощники Константина Багрянородного собрали подробные и точные данные о полюдье киевского князя в Южной Руси. Карта, составленная Б. А. Рыбаковым на основе «Записок» Константина VII, обнаружила, что князь во время полюдьа действительно совершал «кружение», проходя через земли древлян, поворачивая на Смоленск и возвращаясь в Киев по левому берегу Днепра через Чернигов.³ В полюдье уходили «все русь». Понятно, что они не рисковали оставлять надолго пустой город и заходить далеко на север. При Ольге господство русов в Киеве упрочилось, и она впервые предприняла далекое полюдье и стала собирать дань с наиболее населенных земель на Северо-Западе.

Обмен мирными посольствами между Византией и Русью, поездки Ольги в Царьград и ее беседы с Константином Багрянородным благоприятствовали тому, что в византийских источниках появились первые точные данные о славянских племенах и русских городах. В императорских «Записках» подробно описан путь из Константинополя в Киев, при этом особое внимание уделено наиболее опасному участку пути — днепровским порогам, воспроизведены русские (скандинавские) и славянские названия большинства порогов. По мнению лингвистов, славянские названия порогов подверглись в византийской записи меньшему искажению, чем скандинавские. Это указывало на то, что составители «Записок» использовали славянские источники информации.⁴ Знания лица, представившего императорским чиновникам сведения о Руси, ограничивались преимущественно киевской округой. Из семи славянских городов, названных в «Записках», четыре располагались в Южной Руси. Их названия (Киова, Чернигога, Вусеград и Витичев) переданы более точно, тогда как наименования двух городов вне киевской округи искажены до неузнаваемости (Мелински и Телиуцы). Последнее название, видимо, относилось к Полоцку или Полтеску. Среди славянских племен названы кривитины (кривичи), лендзанины (лендзяне) и дервленины (вервианцы, древляне). Об этих племенах авторы «Записок» получили более подробную информацию и потому упоминают о них дважды. Кроме них названы северяне (севериин), другувиты (дреговичи) и ультины (уличи). Название племен словен, полочан, вятичей, вольнян, тиверцев, обитавших вдали от Киева, в «Записках» не фигурируют.⁵ Составители «Записок» проявили

³ Рыбаков Б. А. Киевская Русь и ее русские княжества XII—XIII вв. М., 1982 С. 317

⁴ Obolensky D. Commentary // Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio. London, 1962 Vol. 2 P. 19; Bury J. B. The Treatise De administrando imperio // Byzantinische Zeitschrift München, 1906 Bd 15 S. 541

⁵ Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 45, 51, 157

большую осведомленность в отношении Киева и киевской округи. Однако в византийском списке славянских племен отсутствуют поляне, жившие в Киеве и его окрестностях. В то же время авторы «Записок» повествуют о неких лендзянах, отсутствующих в «Повести временных лет». Возникает предположение о тождестве этих племен. Как установлено в литературе, имя «лендзяне» воспроизводит самоназвание поляков (lendjane; рус. «лядский, ляхи»).⁶ То же самое значение имеет название «поляне». Имя полян великопольских земель и полян из киевской округи совпадает. Примечателен порядок перечисления племен в «Записках» Константина Багрянородного. Лендзяне упомянуты в одном случае рядом с кривичами, в другом — рядом с уличами и древлянами.⁷ При Несторе поляне жили в Поднепровье неподалеку от Киева, имея соседями на севере — кривичей, на юге — уличей, на западе — древлян. Эти данные соответствуют византийским сведениям о местоположении лендзян.⁸ Ближайшими соседями полян на востоке были радимичи. Это небольшое племя так же осталось неизвестно Константину Багрянородному, как и племя полян. Можно высказать предположение, что малочисленные племена полян и радимичей были осколками большого племени, сохранившего единство в середине X в., но распавшегося в XI—XII вв. Отражением этого факта были припоминания об общих родоначальниках и общем происхождении племен, записанные летописцем. «...радимичи бо и вятичи, — утверждал Нестор, — от ляхов. Бяста бо 2 брата в ляхех, — Радим, а другой Вятко, — и пришедша седоста Радим на Съжу, и прозвашася радимичи, а Вятко седе с родом своим по Оце, от него же прозвашася вятичи» (ПВЛ, 43). Рядом был одним из старинных городов Польши. Имена «Радим» и «радимичи» соотносятся с этим топонимом.

Жители Киева считали себя полянами, что и определило отношение киевских летописцев в этом племени: «Мужи мудри и смыслени, нарицахуся поляне, от них же есть поляне в Киеве и до сего дни». Мудрые поляне имели обычай «кроток и тих», к родственникам «велико стыденье имеху», имели «брачный обычай». Напротив того, радимичи, вятичи и их соседи «живяху в лесе, яко же и всякий зверь, ядуще все нечисто, и срамословье в них пред отцы...» (ПВЛ, 14—15). Очевидная пристрастность суждения ставила Нестора в затруднительное положение. Если бы он признал, что поляне имеют общих предков с радимичами и вятичами, тогда рассуждения об особой мудрости и добродетелях полян лишились бы основания. Становится понятным, почему летописец решил обойти молчанием вопрос о происхождении полян и их князя Кия, хотя этот вопрос относился к числу самых злободневных. Поляки, записал Нестор, поселились на Висле, и «от тех ляхов прозвашася поляне»; «также и ти словене пришедше и седоша по Днепру и нарекошася поляне, а друзии древляне, седоша в ляхех»; «поляном же жившим особе по горам сим» и пр. (ПВЛ, 11, 13, 14—15). Объяснив, что древляне получили свое имя, потому что жили в лесу, летописец оставил читателя в полном неведении, почему будущие киевляне, поселившись «на горах», стали именоваться «поляне». Назвав на одной странице польских полян и полян киевских, ученый книжник не стал пояснять, в каких отношениях между собой находились эти племена. Между

⁶ Lehr Splawinski T Ledzice—Ledzanie—Lachowic // Opuscula Casimiro Tymie niecki septuagenario dedicata Poznan, 1959 S 195—197

⁷ Константин Багрянородный Об управлении империей С 45, 157

⁸ Некоторые исследователи отождествляли лендзян с воляинянами (Dowmianski H Ledziane // Slavia Antiqua 1953 T 4 S 97—114, Wasilewski T Dulebowie — Ledziane-Chorwaci // Przegląd Historyczny 1976 R 67 N 2 S 181—187) Но воляиняне обитали вдали от Киева и Поднепровской Руси Константин Багрянородный сообщает что Печенегия находится на расстоянии дня пути от Руси т е в 30—35 км от русской границы проходившей под самым Киевом Наименование «воляиняне» «дудебь» «бужане» очевидно не имеет точек соприкосновения с названием «лендзяне»

тем название великопольских ляхов-полян строго соотносилось с названием киевских лендзян-ляхов-полян. Имя Киова (араб. Куявия) близко топониму Куявия в Польше. В договоре киевского князя Игоря 944 г. один из старших киевских «архонтов» (конунгов) носил характерное для полян-поляков имя Володислав.

Исследователи выражали удивление по поводу того, что крохотное племя полян сыграло столь выдающуюся роль в истории Руси. В самом деле, малочисленное племя едва ли могло выжить, а тем более подчинить себе куда более могущественные племена, окружавшие его и занимавшие огромные территории. По признанию Нестора, поляне были «обидимы» ближайшими соседями древлянами, племенем отнюдь не крупным (ПВЛ, 16).⁹ «Записки» Константина Багрянородного объясняют дело. До середины X в. поляне, радимичи, а может быть, и вятичи сохраняли принадлежность к единому племени лендзян, которое не уступало по численности и могуществу союзу кривичей или ильменских словен. Норманское завоевание ускорило распад этого племени. Жившие в Поднепровье лендзяне подчинились русам, тогда как вятичи еще долго оставались под властью хазар. Старые племенные связи подверглись разрушению на славянских землях, которые были освоены норманнами в первую очередь. Эти земли первыми подверглись также и христианизации.

Константин Багрянородный подробно описал полудье русов. В его описании отсутствуют поляне и радимичи. Русы не ходили в полудье к лендзянам (полям, радимичам) по той причине, что земли лендзян в Поднепровье стали местом их обитания, тогда как вятичи еще оставались данниками хазар.

Нестор был образованным монахом, талантливым и добросовестным писателем. Его описание быта и нравов древних славян отнюдь не было вымыслом. Летописец лишь следовал впечатлениям современной ему жизни. К началу XII в. киевские поляне не только приняли крещение, но и прониклись христианским духом, тогда как их соплеменники радимичи и вятичи еще оставались язычниками. В середине X в. лендзяне на всей территории от Киева до земель радимичей за Днестром и вятичей на Оке оставались язычниками. Лишь после принятия христианства различия между столицей и периферией выступили наружу.

Предание о польском происхождении полян было известно Нестору. Но над ним тяготела злоба дня — трения между христианской столицей и языческими окраинами, споры, чья волость — Киевская или Новгородская была древнее, «кто в Киеве нача первее княжити» и пр. Отвечая на все эти вопросы, киевские летописи изложили легенду о Кие. Авторы киевских летописей не преминули сообщить о происхождении Рюрика, Радима, Вятко и пр., но умолчали о происхождении родоначальника всех киевлян — первого киевского князя. Это значительно снижает историческую ценность легенды о Кие.

Когда возник Киев? Вопрос этот относится к числу наиболее запутанных и спорных в литературе. Некоторые историки без достаточных к тому оснований утверждают, будто Киев был основан князем Кием в V в. н. э. Археологические данные исключают столь раннюю дату. Киев был намного моложе таких городов, как Ладога в Северной Руси, существовавшая уже в VIII в.

Летописные предания о Киеве были записаны лишь в XI—XII вв. К более раннему времени относятся иностранные свидетельства о Киеве, датируемые серединой X в. Это «Записки» императора Константина Багрянородного, составленные не позднее 952 г., и письмо на древнееврейском языке X в., подписанное членами еврейско-хазарской общины Киева.¹⁰ Оба

⁹ Ср.: Медьникова Е. А., Петрухин В. Я. Комментарии // Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 317.

¹⁰ Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 45; Golb N., Pritzak O. Khazarian-Hebry Document of the X Century. London, 1982. P. 9-19.

источника одинаково передают славянское наименование города: Киоава, Киав — в «Записках», и Кийув — в еврейском источнике. Еврейское письмо было сугубо деловым документом, «Записки» — политико-географическим трактатом. Неудивительно, что в «Записках» приведены географические подробности, ненужные в деловой переписке. Из материалов, подобранных для императора его канцелярией, следует, что Киев имел помимо славянского также хазарское название. В «Записках» фигурируют данные о «крепости Киоава, называемой Самватас». Слова sam («высокий») присутствовало в наименовании ряда хазарских крепостей.¹¹ Применительно к Киеву sam указывало на то, что хазарское укрепление располагалось на высоком месте — на киевских «горах». Отсутствие хазарского наименования в хазарско-еврейском письме X в. не подрывает доверия к византийскому свидетельству. К X в. Киев превратился в обширное поселение, а название «Самватас» сохранила, видимо, лишь та его часть, где располагалось небольшое хазарское укрепление.

Обращение к наиболее ранним и достоверным источникам дает основание связать возникновение Самватаса-Киева с хазарским завоеванием Нижнего Поднепровья. Как полагают, основателями Киева были хазары (О. Прицак).¹² Малочисленное племя полян не могло основать свою «столицу» на самой границе с «великой степью», так как их город был бы немедленно сметен кочевниками. Норманны, не опасаясь нападений, основывали свои неукрепленные «торговые места» — вики посреди славянских земель.¹³ В отличие от вигов хазарская фактория на Днестре была крепостью. Впрочем, безопасность Киева обеспечивалась не хазарскими укреплениями, а военной мощью Хазарии, контролировавшей причерноморские степи. Собирая дань со славян, Хазарский каганат ограждал свою днепровскую факторию от набегов степняков.

Описывая пороги на Днестре, Константин Багрянородный приводит их скандинавские и славянские названия. Среди городов лишь один фигурирует в «Записках» под двойным названием. Это Киев. Но в этом случае употреблен не скандинавский, а хазарский топоним. Хотя информаторами Константина были норманны-русы и их подданные славяне, скандинавские наименования «Каенугард» (Киев) и «Хольмгард» (Новгород) остались ему неизвестны. Упомянутое императором название «Немогард» близко к славянскому «Новгород» и не имеет ничего общего со скандинавским топонимом «Хольмгард». (Происхождение названия «Хольмгард» не поддается объяснению, поскольку «хольм» обозначает остров, между тем как Новгород стоит на материке, но никак не на острове.)¹⁴

В ранний период ни скандинавы, ни хазары не склонны были придавать исключительное значение днепровской фактории Самватасу. По традиции Хазария использовала древние пути в Византию, пролежавшие через хазарские города в Крыму, а со Скандинавией торговала через Верхнюю Волгу. В географическом комментарии к письму хазарского

¹¹ Мельникова Е А, Петрухин В Я Комментарий С 315 Некоторые исследователи связывают наименование Самватас с мифической рекой Самбатон (Субботня) из средневековой еврейской литературы (Архипов А А Об одном древнем названии Киева // История русского языка в древний период М, 1984 С 224—240) Эта гипотеза недостаточно обоснованна

¹² Golb N, Pritzak O Khazarien-Hebry Document P 44—59

¹³ Булкин В А, Дубов И В, Лебедев Г С Археологические памятники Древней Руси IX—XI вв. М, 1978, Лебедев Г С Эпоха викингов в Северной Европе Л, 1985 С 104—105

¹⁴ О значении указанных топонимов см Мельников Е А 1) Восточноевропейские топонимы с корнем gard в дневнесеверной письменности // Скандинавский сборник 1977 № 22 С 205 2) Древнескандинавские географические сочинения М 1986 С 46—48

царя Иосифа, составленном в неизвестное время, приведены важные сведения о многих городских и торговых центрах Хазарии, но наименование Самватас в нем отсутствует.¹⁵

По летописи, власть хазар распространялась на земли полян, радимичей и вятичей, иначе говоря, охватывала преимущественно область лендзян. Хазарам не удалось покорить ни одно крупное племя (кривичей, словен, уличей, древлян), жившее вне территории лендзян. Исключение составляли северяне, занимавшие местность к югу от радимичей, непосредственно на хазарской границе.

Для русов хазарский пост Самватас-Киев имел значительно более важное значение, чем для хазар, так как был крайним торговым пунктом на пути «в греки».

Судя по скандинавским источникам, Киев пользовался куда меньшей известностью, чем Новгород. В рунических надписях и памятниках древнескандинавской письменности топоним «Хольмгард» появляется уже в первой половине XI в., тогда как «Каенугард» — лишь во второй половине XII в.¹⁶

Скандинавы освоили Северную Русь много раньше, чем Южную. В их глазах Хольмгард сохранил значение главного города даже после того, как он утратил значение основной базы норманнов в Восточной Европе. Исландские саги нередко изображали всю Русь как владения конунга Хольмгарда.¹⁷

Хорошо известна традиция, в силу которой киевские князья сажали на княжение в Новгород старшего сына-наследника. Традиция, без сомнения, восходила к тому времени, когда Новгород оставался основным опорным пунктом русов в их походах на юг. Судя по «Запискам» Константина Багрянородного, к середине X в. архонты русов имели ставку в Киеве, но при этом старший из них князь Игорь продолжал держать сына-наследника в Новгороде. Отмеченный факт не означает того, что Новгород оставался «столицей» Руси. Ни Новгород, ни Киев, никакой другой город не были и не могли быть княжеской столицей в собственном смысле слова, поскольку в середине X в. само Древнерусское государство еще находилось в процессе становления и не имело ни сформировавшейся княжеской династии, ни столицы.

Согласно русским летописям, Олег пришел в Киев, не задерживаясь в Смоленске. В действительности Верхний Днепр был важнейшим рубежом на пути продвижения норманнов к границам Восточно-Римской империи. В городище Гнездово под Смоленском возник едва ли не самый крупный в Восточной Европе скандинавский некрополь.¹⁸ Как видно, русам в их движении на юг не сразу удалось преодолеть сопротивление Хазарского каганата. Длительное время Гнездово сохраняло значение опорного пункта русов, что объясняет наличие в его некрополе норманнских захоронений всего периода с начала X до начала XI в.

У русов, значит, в «Записках» Константина Багрянородного, есть данники славяне, «а именно, кривитеины, лендзянины и прочие Славинии». Информаторы византийских чиновников назвали кривичей первыми среди «прочих славиний» не случайно. Кривичи жили в центральной полосе на огромном пространстве от Смоленска до Полоцка и Изборска¹⁹

¹⁵ Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932. С. 98—99.

¹⁶ Древнерусские города в древнескандинавской письменности М., 1987. С. 18. Джек-сон Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе М., 1994. С. 205, 208—209.

¹⁷ Лебедев Г. С. Эпоха викингов. С. 189.

¹⁸ Кирпичников А. Н. Ладога и Ладожская земля VIII—XIII вв. // Историко-археологическое изучение Древней Руси. Итоги и основные проблемы (Славяно-русские древности). Л., 1988. Вып. 1. Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990. Смоленск и Гнездово. М., 1991. Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985. Лебедев Г. С. Эпоха викингов.

¹⁹ Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 158—166.

В городище на Гнездово располагалось крупнейшее поселение русов. Земля кривичей могла стать ядром «Росии». Однако норманнское завоевание бесповоротно раскололо племя кривичей на три части: кривичей смоленских, полоцких (они были включены в состав норманнского Полоцкого княжества и стали именоваться полочанами) и изборских (вошли в состав Псковского княжества). Уже ко времени византийских походов Игоря центр жизнедеятельности норманнов переместился в Южную Русь. Гнездово уступило первенство Киеву, Смоленская округа стала обычным районом полудья для русов.

Автор «Повести временных лет» Нестор был первым из летописцев, получивших доступ к документам княжеского архива. Он включил в текст летописи три ранних договора между Русью и Византией. Сопоставление их позволяет судить о внутреннем строе Киевского княжества. Договор 911 г. заключили послы от Олега, «великого князя русаго, и от всех, иже суть под рукою его, светлых и великих князь, и его великих бояр» (ПВЛ, 25—26). Судя по договору 944 г., послов в Царыград направил великий князь Игорь, «и князи и боляри его, и людье вси рустии». Варварская Русь еще не выработала собственного дипломатического этикета, и ее иерархическая формула была зеркальным отражением византийской. Империю представляли «великие цари» и их «болярство». Протокол требовал, чтобы Русь представляли особы столь же высокого ранга — великий князь русский и «всякое княжье» и «боляри» (ПВЛ, 35). Кунунги из Приднепровья претендовали на титулы «хаканов». Но окрестные государства не признавали их титулов. В византийских дипломатических документах Игоря именовали «великим князем» или «князем руским». Но в тех случаях, когда греки не были стеснены дипломатическим этикетом, они отказывали Игорю даже в этих титулах. В Киеве, отметил Константин Багрянородный, живет Игорь, «архонт Росии», а также другие архонты.²⁰ Термином «архонт» византийцы обозначали правителей провинций, военных командиров, очень богатых людей, чужеземных правителей и племенных вождей.²¹ «Записки» Константина Багрянородного доказывают, что в середине X в. ни династия, ни княжеско-боярская иерархия на Руси еще не сложились.

За время длительной войны со Святославом в 968—971 гг. греки лучше узнали русские порядки. В пресамбуле мирного договора 971 г. значилось, что «великий царь» Иоанн Цимисхий заключает соглашение с «великим князем» Святославом. Но в тексте договора Святослав именовался просто князем. Вторжение на Балканы возглавили четыре военных предводителя: Святослав, Сфенкл, Свенельд и Икмор. В живых остались лишь Святослав и Свенельд, которые и представляли русскую сторону на переговорах с греками. В 911 г. лиц, занимавших столь высокое положение в норманнском войске, как Свенельд, именовали «великими и светлыми князьями» под рукой Олега, в 944 г. — «князьями» под рукой Игоря. В 971 г. византийцы не знали, как именовать Свенельда, и не наделили его ни княжеским, ни боярским титулом. Святослав скрепил договор присягой от имени всего войска — «иже суть подо мною Русь, боляре и прочии» (ПВЛ, 52). «Княжье» в этом перечне отсутствовало.

Летописные тексты договоров X в. отразили не столько реальные порядки Руси, сколько условности византийского дипломатического протокола, а кроме того, представления киевского книжника — переводчика грече-

²⁰ Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 45

²¹ Бибииков М. В., Шушарин В. П. Комментарии // Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 291

ских оригиналов X в. Книжник XI—XII вв. не мог перевести текст древнего договора иначе, как в терминах своего времени. Летописец видел великого князя киевского в окружении «княжья» и «боляр» и не сомневался, что такой порядок существовал извечно.

Договоры X в. дают наглядное представление о попытках норманнов найти устойчивые формы организации власти на завоеванных славянских землях в период, когда в Киеве не было ни великокняжеской династии, ни «болярства», опоры династии.

Среди «мужей» (русов), заключивших вместе с Олегом договор 911 г., не отмечено ни одного его родственника. Это кажется необъяснимым, если следовать традиционному представлению об Олеге как основателе династии. Главными «архонтами» при Олеге были Карлы, Инегельд, Фарлоф, Веремуд, Рулав, Гуды и др. Полагают, что по крайней мере один или два «мужа» со временем стали служить Игорю.²² В договоре Олега упомянут Гуды, в договоре Игоря — «Алвад (посол. — Р. С.) Гудов» (ПВЛ, 34). Гуды попал в число шести старших предводителей при Олеге. По прошествии 33 лет службы Гуды значился на 22-м месте в списке Игоря. Скорее всего, речь идет о разных лицах.

Договор 944 г. называет русских «архонтов» по именам и дает возможность составить более точное представление об их взаимоотношениях. Чтобы управлять обширной территорией, князь должен был разделить Русь между родственниками и союзными «архонтами» или конунгами. В дележе участвовали не только «мужи», но и жены князя и старших конунгов. «Архонты» и «архонтессы», владевшие городами («ярлствами»), получили право послать своих особых послов в Царьград для заключения мира. Богатые скандинавские купцы-гости не имели «ярлств» и подчиненных им воинских сил и потому не могли назначать послов, а сами участвовали в заключении договора. Новгород находился под управлением малолетнего сына Игоря Святослава, и это было самое крупное на Руси «ярлство». Вышгород был отдан в управление жене Игоря. Послы от Игоря, его сына, жены и племянника Игоря считались старшими послами. Сразу за именами старших послов в тексте договора названы послы Володислава и Передславы. То, что Володислав был вторым после Игоря «архонтом» в Киеве, не будучи его родственником или, во всяком случае, близким родственником, не подлежит сомнению.

В договоре 944 г. обозначены имена трех «архонтесс»: Ольги, Передславы и Сфандры. Лишь против имени последней имеется помета: «Шихъбернь (посол. — Р. С.) Сфандр(ы), жены Улебле». Сам конунг Улеб в заключении договора не участвовал.

Составители договора не дали пояснений насчет мужей Ольги и Передславы, видимо, потому, что мужья старших «архонтесс» принадлежали к высшему правящему кругу Киева и их имена названы в тексте перед именами жен. Мужем Ольги был Игорь, мужем Передславы, по-видимому, записанный перед ней Володислав. Принцип родства лишь отчасти определял структуру киевской «иерархии», что указывало на незавершенность процесса формирования киевской династии. Володислав числился четвертым в списке (после Игоря, его сына Святослава и племянника Игоря). Зато второй племянник Игоря Якун занимал лишь одиннадцатое место, уступая не только старшим архонтам, но и трем военным предводителям более низкого ранга — Турдуву, Фасту и Сфирьку. Если бы в середине X в. в Киеве сформировалась княжеская династия, киевская «иерархия» выглядела бы иначе.

²² Лебедев Г. С. Эпоха викингов... С. 246. Г. С. Лебедев отождествляет также «боляр» Фоста с Фастом и Труана с Туадом.

Норманны не могли вести крупные войны без опоры на славянскую знать и славянские племенные ополчения. Володислав и Передслава, возможно, представляли могущественную лендзянскую знать.

В договоре 944 г. приведен список гостей, прибывших в Византию вместе с послами от Игоря и других конунгов. Все гости носят скандинавские имена. Лишь в конце списка названы имена двух купцов, по всей видимости, славянского происхождения — Синко и Борич. Имя Борич можно соотнести с топонимами, распространенными на Киевщине. Переправа через Днепр под Киевом носила название «Боричев увоз». В 945 г. послы древлян пристали «под Боричевым в лодьи» (ПВЛ, 13, 40).

Выделение «Игорева рода» из прочей массы «великих князей» (конунгов) и завоевание им исключительного права на киевский трон имело характер длительного процесса (А. Е. Пресняков).²³ Решающими факторами этого процесса было становление новой системы управления и формирование опоры династии — боярства.

Полагают, что норманны ассимилировались в славянской среде очень быстро, едва ли не в самый момент их появления на Руси. В доказательство ссылаются на чисто славянские имена Олега и его преемников Игоря и Святослава. Однако надо иметь в виду, что сведения об этих именах почерпнуты из сравнительно поздних источников, являющихся памятниками исключительно славянской письменности. Греческие и еврейские источники середины X в. обозначали имена предводителей русов значительно точнее, чем киевские источники конца XI—XII вв. «Царь» русов Олег фигурировал в них как Хелгу, княгиня Ольга — как Елга, Игорь — как Ингор от шведского Ингвар, Святослав — как Сфендослав (от скандинавского Сфендислейф). Сподвижниками Игоря были конунги Асмуд и Свенельд, Сфендослава — Сфенкл, Икмор и тот же Свенельд. Мать князя Владимира Святославича, по преданию, звалась Малушей. Но киевская летопись сохранила также ее подлинное скандинавское имя Малфред. Один из братьев Владимира носил имя Сфенг.²⁴

«Записки» Константина Багрянородного свидетельствуют, что в середине X в. киевское общество было двуязычным.²⁵ Для русов основным языком оставался скандинавский язык. Однако они не могли бы управлять своими славянскими данниками, если бы не освоили их язык. Предводители русов отказались от титула «хакан» в пользу титула «князь», каким славяне издавна именовали своих старейшин и военных вождей. Не только титулы, но и имена правителей должны были быть понятны народу, признавшему их власть. Двойные имена князей возникли вследствие двуязычия общества.

Норманнская дружина слагала саги о своих героях — викинггах. Но саги не были записаны из-за отсутствия письменности у скандинавов. В дальнейшем героический эпос русов претерпел метаморфозу, обычную для памятников фольклора. Дружина киевского князя забыла собственный язык, саги превратились в славянские былины. Имена героев дружинного эпоса были окончательно переделаны на славянский лад.

Ранние киевские летописи были продуктом не скандинавской, а греко-славянской культуры. Они были составлены в то время, когда верхи киевского общества окончательно забыли скандинавский язык, а двуязычие

²³ Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. М. 1993. С. 28—29.

²⁴ Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка. С. 120. Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 45. См. также Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М. 1968. С. 77.

²⁵ Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 45. Греческое написание сохраняет носовой согласный, что позволяет прочесть это имя как «Ингор» (Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Комментарии. С. 311—312).

сошло на нет. Саги остались неизвестны русским книжникам XI—XII вв. Составители первых киевских сводов XI в., не имея в своем распоряжении текстов русско-византийских договоров X в., описали деяния первых киевских князей, следуя былинам, устным преданиям. Но в былинах эти князья фигурировали уже не под своими собственными норманнскими именами, а под славянскими прозвищами.

Когда в руки Нестора в начале XII в. попали тексты договоров с греками (греческие оригиналы или их славянские переводы), летописец подверг их литературной обработке, прежде чем включить в «Повесть временных лет». При этом он прилежно переписал имена всех слов «от рода руского» (Карлы, Инегельд, Свенельд и пр.), но оставил князьям те имена, под которыми они фигурировали в исторических песнях, былинах и летописях XI в. Славянизированные имена князей стали привычными, тогда как подлинные скандинавские оказались давно забытыми.

Предположение, будто киевская династия ославянилась раньше дружины, не более чем миф. Князья имели возможность заключать династические браки, тогда как рядовым воинам приходилось выбирать жен из окружавшей их славянской среды. Дружина князя, со времен Игоря пополнявшаяся славянскими воинами, подверглась ассимиляции в первую очередь. Своими славянскими именами первые киевские конунги были обязаны своим славянским данникам, но в еще большей мере фольклору и книжникам XI—XII вв.

Многие страницы «Повести временных лет» посвящены крещению Руси. В связи с этим Нестор привел некоторые подробности личной жизни князя Владимира Святославича. Крещение было результатом договора между князем Владимиром и императором Василием II. В соответствии с условиями договора киевский князь отправил войско в помощь Василию II и принял тайнство крещения, по-видимому, как частное лицо. Со своей стороны византийский император обязался выдать за князя свою сестру Анну, но своего обязательства не выполнил.

Византия с успехом насаждала христианство в варварских странах, попадавших таким образом в орбиту политического влияния империи. Крещение Руси отвечало высшим интересам Византии, но политические цели пришли в столкновение с династическими, что на два года задержало крещение.

Нарушение договора не было следствием прихоти или произвола императора Василия II. У князя Владимира было много языческих жен и десять сыновей от них, которые претендовали на киевский трон. Император не желал, чтобы его сестра пополнила гарем языческого князя. Он мог отпустить царевну в Киев при одном непременном условии. Все предыдущие браки князя Владимира должны были быть расторгнуты с тем, чтобы христианский брак был признан единственно законным. Однако скандинавское семейное право оказалось несовместимым с христианским правом Византии. С точки зрения христианской религии сыновья Владимира, рожденные вне христианского брака, были незаконнорожденными и не имели никаких прав на трон. Для Владимира такая точка зрения была неприемлема: старшие сыновья были опорой его власти. Переговоры о брачном контракте, по-видимому, закончились провалом, после чего Владимир разорвал союз с Василием II и захватил Корсунь. Лишь затем император прислал на Русь царевну Анну.

Христианская жена князя Анна и ее греческое окружение много сделали для просвещения языческой Руси. Но киевской трон заняли не потомки Анны, а потомки язычницы Рогнеды, и придворный летописец не уделил внимания ни первой православной «царице» с детьми, ни окружавшим ее просветителям (ПВЛ, 56—57, 83). Эпитафия на смерть Анны отличалась

редким лаконизмом и равнодушием: «В лето 6519 [1011]. Преставися царица Володимеряя Анна» (ПВЛ, 88).

Получив доступ к архивам, Нестор включил в «Повесть временных лет» договоры с греками языческих князей Олега, Игоря и Святослава. Решающую роль при крещении Руси сыграл договор с греками первого христианского князя Руси Владимира. Но этот договор определял права на трон потомков греческой царевны Анны, а потому он не был скопирован составителем «Повести временных лет» и погиб вместе с другими документами из княжеской казны. «Христианские» договоры конца X—XI в. имели значительно больше шансов сохраниться до начала XII в., чем договоры первой половины X в. Они представляли неизмеримо большую ценность в глазах христианского летописца, чем договоры князей-язычников. Нестор понимал значение документов, попавших в его руки. Есть основание полагать, что он попытался сохранить фрагменты этих договоров.

После раздела Руси Ярославичами особую актуальность приобрел вопрос о внешних сношениях трех главных столиц — Киева, Чернигова и Переяславля. Статьи, определявшие порядок приема послов от названных столиц, включены в договор Игоря 944 г. Послам вменялось в обязанность по прибытии в Царьград вручить верительные грамоты, после чего они могли поселиться возле монастыря св. Мамы и получить «месячное свое, сълы (послы — *P. C.*) слобное, а гостье месячное, первое от города Киева, паки из Чернигова и ис Переяславля» (ПВЛ, 36). Давно отмечено, что приведенный отрывок производит впечатление вставки, датируемой временем никак не ранее XI в. При Игоре послы от русских городов не могли предъявить грекам княжеские грамоты за отсутствием письменности, а послы от Переяславля вообще не имели возможности путешествовать куда бы то ни было, так как Переяславль еще не существовал. Константин Багрянородный старательно перечислил главные русские города, существовавшие при князе Игоре. Переяславля среди этих городов нет. Археологические данные подтверждают сделанное наблюдение. Древнерусские укрепления все без исключения имели небольшую площадь. На Городище под Новгородом укрепленная часть поселения составляла немногим более 1 га, в Киеве — 11, в Чернигове — около 8, тогда как в Переяславле — около 80.²⁶ Все эти данные подтверждают сообщение летописи о том, что Переяславль был основан князем Владимиром в 992 г. (ПВЛ, 85—86). Наименование Переяславль не могло появиться ранее похода Святослава на Балканы, когда князь перенес свою столицу в болгарский Преслав (Переяславль). Владимир отказался от мысли о завоевании Преслава, но основал свой собственный Переяславль на Днестре.

Статья, определявшая порядок приема послов от Киева, Чернигова и Переяславля, повторно использована летописцем в рассказе о походе Олега на Царьград в 907 г. На этот раз цитата из договора переработана в «речь» греческих царей и бояр, обращенную к Олегу. Послы и гости, значилось в речи, пусть «возмут месячное свое <...> первое от города Киева и паки из Чернигова и ис Переяславля и прочии городи» (ПВЛ, 25). Из летописи следовало, будто Переяславль существовал уже в начале X в. В тексте договора 944 г. ситуация с послами и гостями обрисована просто и ясно: русы сначала входят, а затем выходят из города («сълы» и «купцы» входят в город «творять куплю, яко же им надобе, и паки да исходят»). При переделке статьи договора в «царскую речь» летописец отбросил последние

²⁶ Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) городище; Древняя Русь. Город, замок, село С. 53.

слова, заменив их: «не платяче мыта ни в чем же» (ПВЛ, 25, 35—36). Так возник миф о том, что Олег добился исключительной привилегии беспошлинной торговли на рынках Константинополя. Это утверждение соответствовало представлению летописца о грандиозной победе Олега, но не отвечало истине.

Не следует думать, будто Нестор сам сочинил «посольские» статьи договора 944 г. Отсутствие литературных штампов указывает на то, что он списал отрывок из подлинных документов — текстов первых договоров христианской Руси с греками.

Киевский князь Святополк открыл перед печерскими старцами двери государственного архива. Русские летописи превратились в серьезный исторический труд. Но их составители оказались в положении придворных историографов. Это роковым образом сказалось на судьбах печерского летописания. После смерти Святополка князь Владимир Мономах и его наследники, понимая значение летописания, поспешили изъять «Повесть временных лет» из Печерского монастыря и передать ее в Михайловский Выдубицкий монастырь, семейную обитель Всеволодовичей.